

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА

16

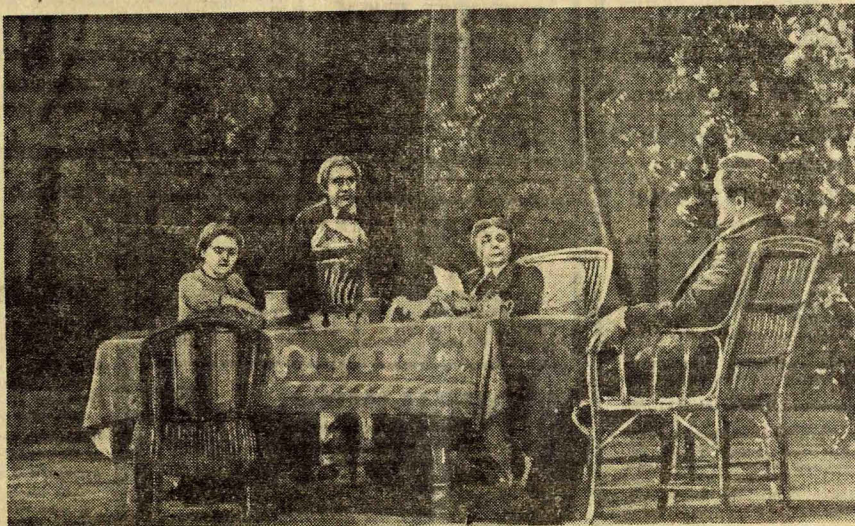
ИЮЛЯ 1947 Г.

СРЕДА

№ 165 (7141)

ЦЕНА 20 коп.

ГАЗЕТА МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО КОМИТЕТА ВКП(б) И МОССОВЕТА

«Дядя Ваня» А. П. Чехова в МХАТ СССР им. Горького. НА СНИМКЕ: сцена из 1-го действия; артистка Е. Хромова в роли Соня, заслуженный артист РСФСР М. Янин в роли Телегина, заслуженная артистка РСФСР Н. Литовцева в роли Войнички и народный артист СССР Б. Добронравов в роли Войничского.

Фото А. ГОРНШТЕЙНА (ТАСС).

«Дядя Ваня»

В Художественном театре

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ театр по-казал «Дядю Ваню» Чехова — одну из тех пьес, с которыми связана вся история этого театра. Снова вышли на сцену старые чеховские герои — милый дядя Ваня, уминица и фантазер Астров, мечтательная Соня, надеющаяся лишь за порог земной жизни увидеть «небо в алмазах»...

Можно представить себе, сколько раздумий было у постановщика М. Кедрова, режиссеров Н. Литовцевой и И. Сулякова, исполнителей главных ролей Б. Добронравова, Б. Ливанова, А. Кторов, А. Тарасовой, когда они перечитывали эту великолепную сыгранную в прошлом пьесу и решали, что же нового должен сказать театр во второй, современной редакции классического спектакля, как обличить тоскующих персонажей «Дяди Вани» с сегодняшним зрителем.

О том, что Чехова нужно сейчас прочитать и сыграть по-новому, не раз говорили К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко. Но в чем должна выразиться новизна нынешней трактовки «Дяди Вани», как передать в спектакле светлый оптимизм великого русского драматурга и его глубокую веру в расцвет родной страны, основатели Художественного театра предоставили решить своим ученикам.

...Но вот раскрывается занавес, и мы слышим негромкую беседу скука-

ющих людей, истомленных летним зноем. Доктор Астров с раздражением говорит о самом себе и о своем неясном призвании. Иван Петрович Войничский робко и безнадежно объясняется в любви Елене Андреевне. Профессор Серебряков, удалившись от всех, пишет какое-то вымученное сочинение. Астров, выпив рюмку водки, уезжает. Телегин играет польку на гитаре, и... первая часть спектакля окончена. Что, собственно говоря, произошло в этом акте? Ничего существенного. Обитатели и гости усадьбы Серебрякова прожили еще один день — такой же унылый, как предыдущий, и такой же безрадостный, как предстоящие. Но пройдут еще акты, и драма достигнет высшего напряжения. Скромный и тихий дядя Ваня будет стрелять в старого профессора Серебрякова, которому он отдал все лучшие годы жизни, свой талант, душевные и физические силы. Вспышка дяди Вани это не только возмущение поступком Серебрякова, решившего продать усадьбу и выехать своих домочадцев на улицу, а протест против пошлости и подлости жизни, олицетворенных в нем.

Чехов неторопливо приводит своих героев к минутам полного прозрения, когда они с беспощадной ясностью, видя беспечность прожитых лет, загораются страстным желанием изменить годами сложившийся уклад, разорвать заколдованный круг про-

клятой обиденщины, в атмосфере которой задыхаются и Астров, и Соня, и дядя Ваня, и все другие честные и благородные люди, «дети страшных лет России», не знающие смысла своего существования.

Что же близко сейчас Художественному театру в Чехове, чем дорог ему этот драматург, образы которого не только не одряхлели, не стали восковыми музейными фигурами, а, наоборот, нашли настоящее, глубокое понимание именно в наше время? Актер-современник и сегодняшние зрители, люди героической и деятельной эпохи, совершенно ясно и отчетливо представляют себе те высокие идеалы, о которых только догадывались в своих смутных, но горячих мечтах Астров и Войничский. И потому эта пьеса встречается сейчас не меньший, а может быть, больший отклик в зрительном зале, чем во времена Чехова. Спектакль сыгран актерами Художественного театра с редким воодушевлением и проникновением во внутренний мир героев пьесы.

Кто же из героев спектакля вызывает наибольшее расположение и влечение зрителя? Кто здесь, как изображается старушка Войничская, наиболее «светлая личность»? Астров был близок и дорог Чехову своими мечтами о деятельности и одухотворенной жизни. Но великий реалист видел, как бесилец этого человек, как слабеет и стареет он в бесплодных доклических затаках, в трогательных, но смешных заботах о лосях и лебедях. Чехов любил дядю Ваню, но с горькой иронией написал он последнюю акт пьесы, где этот притихший бутарь снова садится за прихоло-расходные книги и выписывает куп-

цам счета на постное масло и гречневую крупу. Драматург щедро делился со многими героями пьесы — и с Астровым, и с Войничским, и с Соней — своими задушевными мыслями. Но ни одного обитателя усадьбы он не сделал «положительным» в полном смысле слова героем. Не видел Чехов «идеала» ни в ком из этих людей. Но тем не менее есть настоящий, доподлинно положительный герой в спектакле Художественного театра. Это — сам Чехов с его кристально чистой душой и ясным умом, с его великой, благотворной тоской по настоящей жизни и непримиримой требовательностью к людям. В самом Чехове наш зритель видит своего мужественного, проникательного и сердечного друга. И в том, что Художественный театр был верен в этом спектакле Чехову, — первая и главная его заслуга.

Кое-где, впрочем, заметно желание театра быть «оптимистичным» даже вопреки автору. Художник В. Дмитриев в превосходных декорациях первого акта изобразил опесенный солнцем, великолепный, благоухающий сад. Этот сад как бы символизирует красоту мира, в котором так скучно и бесплодно живут герои пьесы. А между тем в скупой ремарке Чехова сказано: «пасмурно». Этим «мажорным аккордом» театр заранее предупреждает зрителя, что спектакль задуман в светлых, оптимистических тонах.

В главных сценах спектакля театр с настоящей артистической чуткостью воспроизводит мироощущение Чехова. Это относится прежде всего к замечательному исполнению роли Войничского Б. Добронравовым. Актер передает все оттенки этого слож-

ного характера. В его Войничском видна и юношески-чистая душа, и покаянная воля, и глубокая внутренняя драма. Исключительной силы достигает игра Б. Добронравова в третьем акте. Здесь Войничский-Добронравов переживает настоящий духовный кризис. Он оказывается невольным свидетелем интимного объяснения Елены Андреевны с Астровым. Его мучает чувство более острое и жестокое, чем ревность: ругаются последние надежды дяди Вани на счастье, исчезает вера в возможность обрести выход из жизненного тупика. И вслед за этим он слышит убедительно-расчетливые слова Серебрякова о продаже усадьбы. Войничский-Добронравов разом вспоминает все прожитое и в злой ненависти к этому самодовольному пошляку, человеку без сердца и совести, хватается за пистолет. Так наступает кульминация спектакля.

В глазах и голосе Войничского-Добронравова столько человеческой теплоты, столько любви к окружающим его простым, скромным и честным людям, что зритель невольно проникается горячим, сердечным участием к судьбе этого чудесного человека. Не примирение с жизнью, а страстное желание изменить ее — вот лейтмотив всего спектакля, достигающий огромной впечатляющей силы в заключительных сценах.

Целком чеховский, смешной и трогательный Вафля — Телегин в удивительно задушевном исполнении М. Янина. Он тоже оскорблен и раздвоен, этот маленький человек, брошенный женой и приютившийся в чужом доме. Но у него есть своя гордость, свое представление о человеческом достоинстве, и Янин делает акцент не на «падения» и чуда-

честв, а на душевной стойкости Телегина.

Много интересного в игре Б. Ливанова, исполняющего роль Астрова. Есть у этого Астрова и изыскательный ум, и свободный полет фантазии, и глубокая искренность в мечтах и раздумьях о будущем родной земли. Но у чеховского Астрова более тонкая, более артистичная натура. Актер далеко не так поэтичен, как его герой. В сцене любовного объяснения с Еленой Андреевной Б. Ливанов вовсе не выигрывает. Режиссура и исполнители найдут со временем, думаем нам, более верный тон для этой сцены, соответствующий поэтичной натуре Астрова.

Несколько упрощенно трактованы также образы Серебрякова (А. Кторов) и Елены Андреевны (А. Тарасова). Исполнители взяли у Чехова лишь часть того, что он им предлагает. Эти образы так же, как и образ Соня (Е. Хромова), еще будут обогащаться актерами. Но и Ливанов, и Кторов, и Тарасова, и Хромова уловили самое характерное в своих героях, и они, надо думать, добьются тонкой, филигранной разработки намеченных ими сценических портретов.

«В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли», — говорит Чехов в «Дяде Ване» устами Астрова. Эти драгоценные слова, находящиеся самый горячий отклик у зрителей, звучат как эпиграф к пьесе. В них раскрывается благородная поэзия Чехова, вдохновившая Художественный театр на создание светлого, полного искренности и душевной теплоты, жизнеутверждающего спектакля.

Я. Варшавский.